

И.И.Янчук

Маркс и Латинская Америка

Полемика вокруг взглядов К.Маркса на Латинскую Америку носит крайне противоречивый характер. И сторонники, и противники Маркса зачастую используют его произведения фрагментарно, не прослеживая его научных поисков до конца. В данной статье делается попытка преодолеть односторонность подобных подходов. Выявлены методологические и фактологические ошибки Маркса при написании им статьи о Боливаре, вызванные предубеждением к личности Освободителя. Обращено внимание на поздние произведения Маркса, решительно осудившего агрессию развитых стран капитализма против Латинской Америки. Особо выделены взгляды Маркса о месте региона в истории становления мирового капитализма.

Ключевые слова: Латинская Америка: история и историография XIX в., К.Маркс о С. Боливаре и роли Латинской Америки в мировой истории, полемика вокруг взглядов Маркса в XX—XXI вв.

Латинская Америка не была главной темой в идейном наследии К.Маркса. И все же, особенно в XX в., его высказывания об исторических судьбах региона, и в частности написанный им очерк о Симоне Боливаре, привлекли внимание многих обществоведов, острота полемики вокруг его имени и его произведений приобрела невиданный накал. Советские историки М.С.Альперович, В.И.Ермолаев, И.Р.Лаврецкий (Григулевич), С.И.Семенов в совместной статье 1956 г. в 11 номере «Вопросов истории» указали на ошибочность оценки Марксом Симона Боливара. Однако детального анализа статьи Маркса они не провели. В Латинской Америке идеи Маркса оживленно обсуждаются, но зачастую оцениваются необъективно. Поэтому назрела необходимость конкретно, с достаточной полнотой, нефрагментарно осветить основные работы Маркса, в той или иной степени касающиеся данной проблематики.

В начале 50-х годов XIX в. 30-летний соавтор «Манифеста коммунистической партии», оказавшийся в вынужденной и, как потом выяснилось, пожизненной ссылке в Англии, испытывал серьезные материальные затруднения. Поэтому поступившее ему от одного из редакторов прогрессивной американской газеты «New York Daily Tribune» Чарлза Дана предложение стать лондонским корреспондентом этого издания было как нельзя кстати. Гонорары были хотя и непостоянными и не слишком высокими, но служили существенным подспорьем. В апреле 1857 г. Дан предложил Марксу сотрудничать и в «Новой американской энциклопедии», в III томе которой в 1858 г. и была напечатана его единственная крупная работа о Латинской Америке — биография Симона Боливара «Боливар-и-Понте»¹.

---

¹ Игорь Иванович Янчук — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра латиноамериканских исследований Института всеобщей истории РАН.

Содержавшаяся в ней оценка Освободителя Южной Америки вызвала сомнения издателя Дана, посчитавшего, что статья написана пристрастно. «Он, — жаловался Марк Энгельсу, — требует ссылку на мои источники. Последние я, разумеется, могу представить ему, хотя само требование — странное. Что касается «пристрастия», то я, действительно, несколько уклонился от энциклопедического тона. Но было уж чересчур досадно читать, как этого самого трусливого, самого жалкого негодяя провозглашают как Наполеона I. Боливар — это настоящий Сулук»².

Нужно отметить, что при подготовке своих работ, даже журнальных и энциклопедических статей, Марк всегда глубоко прорабатывал имевшиеся источники и литературу. Но серьезных исследований о Боливаре в то время еще практически не было. Естественно, что Марк использовал материалы о Боливаре, имевшиеся тогда в наличии, но не принял положительную оценку личности великого венесуэльца, данную в таких известных изданиях, как *New American Encyclopedia*, *Encyclopedia Britannica*, *American Encyclopedia*, *Penny Encyclopedia*, *Encyclopedie du XIX Siècle*, *Lexicon Brockhaus Conversations*.

В письме Дану Марк указал на использованные им основные документальные источники. Но они носили, правда, мемуарный характер. Наиболее одиозными были записки француза Анри Дюкудре-Хольштейна (*Ducoudray-Holstein H.L.V. «Memoirs of Simon Bolivar»*. Tt. I-II. London, 1830) и англичанина Г.Хипписли (*G.Hippisley. «A Narrative of the Expedition of the Rivers Orinoco and Apure in South America, which Sailed from England in November 1817, and Joined the Patriotic Forces in Venezuela and Caracas»*. London 1819). Более объективными были изначально записки генерала Уильяма Миллера, одного из ближайших сотрудников Боливара на заключительном этапе Войны за независимость — «*Memoirs of General Miller, in the Service of the Republic of Peru*». Vols. 1-2. London, 1828—1829». Но их после смерти автора опубликовал его брат Джон Миллер, который, следуя духу жестких нападок на Боливара, свойственных тем годам (1828—1830), внес немало отсебятины, оскорбительной для Освободителя. Сам же генерал У.Миллер высоко ценил Боливара. Первые два автора, изгнанные Боливаром из Освободительной Армии за предосудительные поступки, своей главной целью ставили оклеветать его.

Генерал Дюкудре-Хольштейн, оскорбленный недостаточным, по его мнению, вознаграждением, оказался замешанным в заговоре против Боливара и был выслан из Венесуэлы. Отбыв в США, француз в 1829 г. и написал упомянутую выше книгу. Именно тогда Вашингтон вел подрывную работу против Боливара, а посланник США Гаррисон даже пытался указывать руководителю Великой Колумбии, как надо управлять страной³. Неудивительно, что Боливар отвечал на подобные претензии северного соседа резко и непримиримо. В 1829 г. он говорил: «Я думаю, что Америке лучше

Во время кризиса журнал «Time» тоже «вспомнил» об учении К.Маркса, поместив его портрет на своей обложке

принять Коран, нежели форму правления Соединенных Штатов; Соединенные Штаты хуже и сильнее всех в одно и то же время; кажется, будто само провидение предназначило Соединенные Штаты для того, чтобы от имени свободы покрыть Америку язвами нищеты»⁴.

Столь же враждебно по отношению к своему нанимателю был настроен и полковник Хипписли, который, собственно и не воевал, а лишь требовал большей оплаты, чем могли обеспечить ему повстанцы. Он отказывался дальше служить, если ему не присвоят чин бригадного генерала, одновременно плетя сеть интриг и заговоров против Боливара в штабе Паэса⁵. И поэтому английский наемник был с позором изгнан из страны⁶.

В условиях не прекращавшихся в США и Европе кампаний по обвинению Боливара в диктаторстве, криптомонархизме и в стремлении обрести славу Наполеона I книги упомянутых авторов неоднократно переиздавались и пользовались успехом как наиболее верные свидетельства о событиях в Великой Колумбии. К клеветническому хору «обиженных бойцов» иностранного легиона присоединились тогда и знаменитые либералы Европы. Во Франции кампанию против Боливара направлял главный идеолог французского либерализма Б.Констан, в Англии — И.Бентам. Эти авторы, имевшие всемирную известность, и в свое время восторгавшиеся подвигами Освободителя, теперь обвиняли его в измене идеалам свободы и демократии, в намерении водрузить на свою голову корону императора, как это сделал Наполеон I, уничтоживший республиканский строй во Франции и развязавший в Европе грабительские войны. Возобладавшее в тот момент негативное отношение к Боливару, созданное пропагандой либералов и противников его усилий предотвратить распад Великой Колумбии в 1828—1830 гг., не могло не повлиять на подход Маркса к личности Освободителя, на оценку его исторической значимости.

В силу относительно небольшого размера статьи Маркс не мог осветить все перипетии бурной деятельности Боливара. Тем не менее он все же признал заслугу Боливара как «Освободителя» Колумбии, его роль в освобождении рабов, его упорство в доведении до конца освободительной миссии в Войне за независимость андских стран Южной Америки⁷. Правда, все это Маркс признает как бы между прочим, походя, а успехи великого латиноамериканца приписывает случайному стечению «счастливых обстоятельств»⁸.

При этом текст Маркса составлен так, что непонятно, как его «герой» стал вождем Войны за независимость, как ему удалось сыграть решающую роль в победе над испанской колониальной империей. Уже в начале статьи ее автор, следуя очевидно, за Дюкудре, пишет, что Боливар отказался присоединиться к революции, вспыхнувшей в Каракасе 10 апреля 1810 г.⁹. Конечно, Боливар не был в числе руководителей первой революционной Верховной хунты, состоявшей из умеренных политиков. Но уже в мае хунта посылает его с ответственной миссией в Англию для переговоров о признании республики. В Лондоне ему не удалось добиться признания из-за позиции британского правительства. Но, характерно, что вместе с ним в Венесуэлу приехал и генерал Ф.Миранда, возглавивший армию восставших и названный впоследствии Предтечей освобождения.

Маркс поддержал изложенную в использованных им мемуарных источниках интерпретацию событий, происшедших в результате поражения Первой Республики, и написал в своей статье следующее: «В два часа утра, когда Миранда спал безмятежным сном, Касас, Пенья и Симон Боливар с четырьмя вооруженными солдатами вошли в его комнату, предусмотрительно завладели его шпагой и пистолетом, затем разбудили его, грубо приказали встать и одеться, заковали в кандалы и, в конце концов, выдали его Монтеверде, который отправил его в Кадис (на самом деле в Пуэрто-

Рико. — *И.Я.*), где после нескольких лет заключения он умер в окопах. Этот поступок, совершенный под предлогом, что Миранда якобы предал свою страну капитуляцией в Витории, обеспечил Боливару особую благосклонность со стороны Монтеверде, так что когда Боливар попросил у него паспорт, Монтеверде заявил, что «просьба полковника Боливара должна быть удовлетворена в благодарность за оказанную им выдачей Миранды услугу королю Испании» (выделено мною. — *И.Я.*)¹⁰. Однако Маркс не привел дерзкого ответа Боливара, во многом объяснявшего позицию Освободителя: «Я арестовал Миранду, чтобы наказать предателя, а не для того, чтобы услужить королю»¹¹. Боливар до конца жизни придерживался этой точки зрения на Миранду, считая его изменником. И действительно, Миранда, имея хорошо вооруженную армию в 5 тыс. человек, вдвое больше, чем у противника, добившись определенных успехов в первых стычках с Монтеверде, неожиданно 25 июля 1812 г. подписал акт о капитуляции¹².

Маркс постоянно приводит «факты», свидетельствующие, по его мнению, о трусости и бездарности Боливара как военного руководителя. Вот один из таких примеров «бесславных деяний» Боливара: «В июне 1814 г. Бовес со всеми своими силами направился из Калабосо на Ла-Пуэрту, где произошло соединение войск обоих диктаторов, Боливара и Мариньо; здесь Бовес встретился с ними и приказал своим войскам немедленно их атаковать. После некоторого сопротивления Боливар бежал в Каракас, а Мариньо исчез в направлении Куманы»¹³ и т.д., и т.п.

Первая решающая победа Боливара 7 августа 1819 г. у реки Бояка (освобождение Колумбии. — *И.Я.*), которую можно сравнить с переходом Суворова через Альпы, согласно Марксу, обязана своим замыслом англичанам, и англичане же якобы сыграли основную роль в этой победе. «Иностранные офицеры предложили Боливару план, согласно которому он должен был сделать вид, будто намерен напасть на Каракас и освободить Венесуэлу от испанского ига, заставить этим Морильо* ослабить свои силы в Новой Гренаде и сосредоточить их для защиты Венесуэлы. Тем временем он (Боливар) должен был внезапно повернуть на запад, соединиться с партизанами Сантандера и идти на Боготу... После того как здесь все было подготовлено Сантандером, иностранные войска, состоявшие главным образом из англичан, решили судьбу Новой Гранады рядом побед...»¹⁴. На самом же деле инициатором предложения идти на Новую Гранаду был Паес, и на военном совете под председательством Боливара, где присутствовали руководители армии, это решение было одобрено¹⁵. Англичане, конечно, играли заметную роль на заключительном этапе войны в Великой Колумбии, но сам Маркс признает, что благодаря Паэсу и другим руководителям патриотов роялистские войска были разбиты¹⁶. Их разгромили взявшиеся за оружие индейские пастухи-наездники «льянерос», перешедшие на сторону Республики, простые крестьяне и освобожденные рабы Венесуэлы и Кундинамарки.

Победы Боливара 24 июня 1821 г. при Карабобо (освобождение Венесуэлы. — *И.Я.*), Хунине (Перу. — *И.Я.*) 6 августа 1824 г. приписаны Марксом другим лицам, в частности английским легионерам. Вот как, например, он характеризует освободительный поход Боливара на Юг за пределы Кундинамарки: «Этой кампанией, окончившейся присоединением Кито, Пасто и Гуаякиля к Колумбии, номинально руководили Боливар и генерал Сукре, однако своими немногими успехами экспедиционный отряд был

* Пабло Морильо — фельдмаршал, возглавивший испанскую экспедиционную армию, высадившуюся в мае 1815 г. на побережье Венесуэлы.

всецело обязан английским офицерам, в частности полковнику Сандсу. Во время кампании 1823—1824 гг. против испанцев в Верхнем и Нижнем Перу Боливар уже не считал нужным изображать полководца, но, предоставив все военное руководство генералу Сукре, ограничился триумфальными вступлениями в города, манифестами и провозглашениями конституций»¹⁷. Маркс, по-видимому не располагал сведениями о том, что Перуанский конгресс буквально умолял Боливару взять бразды правления в свои руки и наделил его правами абсолютного диктатора для достижения победы над роялистами. Именно он разработал стратегию разгрома испанцев, нанеся удар в самое сердце контрреволюции — сьерру. И именно он в Хунине нанес колонизаторам первое крупное поражение в Перу.

А роль Боливару в организации походов освободительной армии подчеркивается всеми свидетелями. Его уважали и любили соратники. Он сросся с солдатами, ел их пищу, был одет в весьма непритязательную одежду. Всегда в походе, всегда среди людей, он сутки без отдыха мог проводить в седле, инспектируя армию, ободряя бойцов, занимаясь снабжением, разведкой и т.п., за что его с солдатским юмором называли «железным задом» («*culo de hierro*»)»¹⁸.

Боливар, конечно же, стал признанным вождем национально-освободительной войны в северной части Южной Америки не вследствие интриг, а потому что добился объединения всех революционных сил, первым принял необходимость социальных реформ в пользу рабов, льянерос и крестьян для окончательной победы. Имея в виду опыт войны за независимость колоний Великобритании в Северной Америке, он целенаправленно стремился обеспечить поддержку со стороны какой-либо из великих держав, в данном случае Англии, понимая, что метрополию можно одолеть, привлекая солдат из Европы, используя наличие там многочисленных профессиональных военных, сражавшихся с Наполеоном и оставшихся после его разгрома без заработка и работы. Он также настойчиво проводил в жизнь идею о единстве Южной Америки в борьбе против Испании и отражения возможных будущих угроз со стороны США и Англии. Четко разработанная Боливаром стратегия освободительной войны сплотила латиноамериканцев на трудном пути к достижению победы. За 16 лет войны Боливару пришлось многое пережить, много передумать. Были, естественно, и поражения. Но то, что Маркс представляет Боливару «Наполеоном отступлений», незаслуженно ставшим во главе патриотов, не подтверждается фактами.

Безосновательно завышена и оценка Марксом роли иностранного легиона, которого, якобы, испанцы «опасались больше, чем десятикратного количества колумбийцев», проявившаяся в его утверждении о том, что «в Карабобо в первую очередь колонна в 1100 легионеров и следовавшие за ней 3000 льянерос во главе с Паэсом обратили в бегство испанские войска ...». Не совсем точен и вывод о том, что вообще «революция на острове Леон (восстание против реакционного режима Фердинанда VII во главе с полковниками Риго и Кирогой в Испании в январе 1820 г. — *И.Я.*), помешавшая отплытию испанской эскадры О'Доннелля (в Америку для подавления освободительного движения патриотов в американских колониях Испании. — *И.Я.*), и помощь британского легиона явно обеспечили исход дела (Войны за независимость. — *И.Я.*) в пользу колумбийцев»¹⁹. Впрочем Маркс, противореча сам себе, вынужден был признать, что восстание 35-тысячной армии испанцев на острове Леон было вызвано, помимо всего прочего, тем фактом, что «прежние экспедиции против Испанской Америки, поглотившие с 1814 г. 14 тыс. человек и проводившиеся самыми гнусными и беспощадными методами, внушали армии величайшее отвращение...»²⁰. Сле-

довательно, именно непрерывные действия восставших «борцов за независимость» вызвали нежелание самой влиятельной силы в Испании — армии — продолжать кровопролитную колониальную войну и обеспечили победу «Южноамериканской революции»²¹.

Завершая достаточно карикатурное описание Боливара, Маркс переносит и на остальных патриотов характеристику Освободителя как личности, утверждая, что «...подобно большинству своих соотечественников он не был способен на длительное напряжение сил...»²². И это говорится о народе Великой Колумбии, потерявшем только убитыми 600 тыс. человек из 3,5 млн²³ всей численности населения, и о Боливаре, отдавшем делу освобождения все свои силы и умершем в 47 лет почти сразу после окончания войны.

Столь же односторонне оценивает Маркс Панамский конгресс, созывая который «Боливар стремился к превращению всей Южной Америки в одну федеративную республику, имея в виду стать ее диктатором... Он давал полную волю своим мечтам, помышляя связать со своим именем целых полмира»²⁴. Ни угроза интервенции со стороны Священного Союза, ни настоятельная необходимость освобождения Кубы и Пуэрто-Рико Марксом даже не упоминаются²⁵. Все действия Боливара объясняются лишь его стремлением к диктатуре. Но ради чего Боливар выступал за централизм, за единство латиноамериканских стран, читатель из статьи Маркса не узнает. Социально-экономические аспекты диктатуры Боливара им не анализируются²⁶. На деле же Боливар и не хотел стать диктатором. Но он был убежден, что и впредь необходим родине как солдат, как дипломат, как единоначальник.

Последние бои он вел в 1829 г., а уже в 1830 г. покинул все свои посты. Его мечтам о сильной, единой Латинской Америке, не раздираемой распрями и беспорядками, не суждено было сбыться. 9 ноября 1830 г., незадолго до смерти, последовавшей 17 декабря, он с горечью писал одному из боевых товарищей о своем бессилии что-либо изменить в Латинской Америке к лучшему: «Во-первых, нам не дано управлять Америкой; во-вторых, тот, кто служит революции, пашет море; в-третьих, единственное, что можно сделать по отношению к Америке — это эмигрировать из нее; в-четвертых, эта страна неизбежно попадет в руки разнузданных толп, которые незаметно для себя передадут ее во власть разномастных тиранов; в-пятых, когда мы будем сгорать в огне собственных жестокостей и преступлений, европейцы не удостоят нас чести нового завоевания; в-шестых, если возможно допустить, чтобы какая-то часть света вновь впала в первобытный хаос, то это будет Америка на последнем этапе ее истории»²⁷. Чуть раньше, 17 августа того же года, в письме другу Боливар сетовал: «Я пожертвовал собственным здоровьем и благополучием для того, чтобы завоевать свободу и счастье для моей родины. Я сделал ради нее все, что мог, но не добился цели... Мои самые лучшие побуждения расценили, как мерзкие намерения, и имя мое оклеветано даже в Соединенных Штатах, от которых я мог ожидать справедливой оценки... Чем же я заслужил подобное отношение?»²⁸.

Биография Боливара, составленная Марксом, грешит многими фактическими ошибками. Все они достаточно подробно освещены в книгах латиноамериканских исследователей, написанных в XX в. и в наши дни²⁹. В XIX в. публикация о Боливаре в «Новой Американской энциклопедии» прошла практически незамеченной. Но в 1933 г. эта статья была внесена в первое собрание сочинений Маркса и Энгельса, изданное в Москве. И с этого времени в советской историографии марксова оценка Боливара стала преобладать. Так, ее почти полностью принял отечественный историк В.М.Мирошевский. Он называл лидеров национально-освободительного движения креолами-сепаратистами, не имевшими поддержки народа, поскольку они представ-

ляли интересы помещиков и плантаторов, побудительным мотивом которых было стремление к свободе торговли. «Креолы, — писал он, — в большинстве случаев предпочитали выступать самостоятельно и старались помешать пробуждению революционной активности индейцев, метисов и негров... Креольские сепаратисты не имели прочной опоры в массах. Они... вели политику, отталкивающую от них широкие слои населения»³⁰.

В обстоятельной же работе современного венесуэльского историка М.Акосты Саиньеса, изучавшего роль масс в освободительной войне в Венесуэле, подчеркивается: «Народ, состоявший из простых льянерос — скотоводов, разбил на равнинах страны европейские войска Морильо, победившие лучшие войска Наполеона. Невозможно понять Боливару... если не знать тех людей, которые сделали возможной деятельность своих руководителей. Без этих, одетых в лохмотья льянерос, которых иностранцы из-за дикого вида называли существами иного мира, немислимых для Старого континента, не были бы разгромлены испанские колонизаторы»³¹.

На испанский язык во многом легковесную статью Маркса о Боливаре перевел и опубликовал в первом номере журнала «Диалектика» («Diáléctica») в марте 1935 г. аргентинский коммунист Анибал Понсе (1898—1938). Он полностью солидаризировался с Марксом, особо выделив отмеченную им принадлежность Боливару к «мантуанцам» (помещикам-латифундистам). Для Маркса и Понсе Боливар — это аристократ, который, провозглашая звонкие слова — «конституция», «федерализм», «международная демократия», на деле хотел лишь добиться личной диктатуры, «применяя насилие и плетя интриги. Сепаратист — да, демократ — нет»³². Напыщенный язык Боливару, по мнению Понсе, скрывал презрение к массам, что выразилось в создании пожизненного сената и поста пожизненного президента. Аргентинец «углубляет» классовую принадлежность Боливару: «землевладелец, помещик, собственник рудников и рабов, Боливар не только выражает интересы своего класса, но и защищает его от мелкой либеральной буржуазии и еще не осознающих свои интересы масс»³³. Эта бесплодная попытка дополнить Маркса носила политический характер идейной борьбы с лидером перуанских национал-реформистов В.Айя де ла Торре и мексиканским просветителем и философом Х.Васконселосом, которые выдвигали в те годы в качестве знамени борьбы с империализмом имя Боливару. Понсе же уверял, что если бы Боливар вдруг ожил, он был бы не на стороне рабочих и не боролся бы с империализмом, поскольку он одержал победу, опираясь на Англию³⁴.

В послевоенное время возобновление в СССР исследований по истории Латинской Америки, более глубокое ознакомление с документами привело советских историков-латиноамериканистов М.С.Альперовича, В.И.Ермолаева, И.Р.Лаврецкого и С.И.Семенова к выводу, что оценка Марксом Боливару неверна. Правда, в их выступлении на страницах журнала «Вопросы истории» в 1956 г. анализ статьи Маркса дан не был, и несколько натянутыми выглядят сейчас их утверждения о том, что Маркс подчеркнул «решающую роль масс» в Войне за независимость и выдвинул «ряд интересных соображений о ходе военных действий»³⁵.

В предисловии к 14-му тому второго советского издания произведений Маркса и Энгельса, опубликованному в 1959 г., суммируются итоги исследований по рассматриваемой теме, проведенных отечественными историками, и объясняются причины отрицательного отношения Маркса к Боливару. «В статье «Боливар-и-Понте», — пишут авторы предисловия, — Маркс показал роль народных масс в борьбе стран Латинской Америки против испанского колониального владычества (1810—1826) и отметил революционный, освободительный характер этой борьбы (где, в каком

месте статьи? — *И.Я.*). Однако, введенный в заблуждение распространенной в то время тенденциозной литературой, Маркс односторонне оценил деятельность и личность руководителя национально-освободительного движения латиноамериканцев Симона Боливара. Известное влияние на отрицательное отношение Маркса к этому деятелю имела антибонапартистская направленность публицистики основоположников марксизма в эти годы, их стремление развенчать реакционную культ Наполеона I и его подражателей, к которым Маркс на основании своих источников (в необъективности их он не мог в то время удостовериться) причислял и Боливара³⁶. Следует учесть, что в 1854 г., т.е. сравнительно незадолго до подготовки статьи о Боливаре, Маркс анализировал материалы испанской революции 1812—1814 гг., в том числе и стенограммы заседаний Кортесов в Мадриде, в которых представители испанских владений в Америке играли откровенно реакционную роль³⁷. Не исключено, что Маркс перенес свою неприязнь к этим деятелям и на «классово близкого» к ним Боливара.

К этим объяснениям можно добавить и тот факт, что работа была написана им в спешке, за один день 8 января 1858 г. К тому же, по отдельным замечаниям Маркса, рассыпанным в статье для «Новой американской энциклопедии», видно, что на него в известной степени влияла и «теория» о «народах без истории» Гегеля, к которым последний причислял испаноамериканцев. Как бы подтверждая свое согласие с Гегелем, еще 30 ноября 1854 г. Маркс пишет: «И что за беда, если богатая Калифорния вырвана из рук ленивых мексиканцев, которые ничего не сумели с ней сделать. И что плохого, если энергичные янки быстрой разработкой тамошних золотых россыпей умножат средства обогащения»³⁸.

Еще более четко по поводу Мексики, ставшей жертвой агрессии США, высказался Энгельс в статье в 1848 г. Он полагал, что для Мексики, раздираемой гражданскими войнами и вследствие этого лишенной всякой возможности развития, для Мексики, в лучшем случае обреченной стать вассалом Англии, насильственное включение в международную жизнь «является прогрессом. Переход Мексики в будущем под опеку Соединенных Штатов соответствует интересам ее собственного развития»³⁹. В более поздних произведениях и Маркс, и Энгельс меняют эту точку зрения, разрабатывая на примерах Индии, Ирландии, России иные пути борьбы с капитализмом, заложив основы теории национально-освободительных движений.

Неудачный эпизод в марксовской историографии Войны за независимость Латинской Америки в последующей полемике XX—XXI вв. приобрел не научный, а, скорее, политический характер. Так, наиболее объективный исследователь трудов Маркса, посвященный региону, перуанец Хосе Арико, как и советские историки, указывал, что тенденциозность Маркса была вызвана антибонапартистскими настроениями, его несогласием поставить Боливара на одну доску с великим полководцем Наполеоном I, необоснованной попыткой перенести на Боливара свою совершенно справедливую неприязнь к авантюристу Наполеону III, т.е. исходила из политического предубеждения, что помешало объективному освещению деятельности Освободителя. При этом Маркс, к сожалению, не использовал свой, открытый им метод материалистической диалектики, требующий вести анализ всякого исторического явления прежде всего с социально-экономической точки зрения⁴⁰.

В связи с падением социалистического строя в СССР и его развалом конъюнктурная антимарксистская тенденция приобрела широкий размах. Так, в 1997 г. мексиканский историк Эдгар Монтель в статье «Гегель, Боливар и Маркс» заявил, что Маркс всецело находился под влиянием колониалистских европоцентристских взглядов Гегеля, присоединившись к

общевропейскому мнению либералов XIX и начала XX вв. о второсортности народов Южной Америки. И как раз этот европоцентристский взгляд, по мнению Монтъеля, повлиял на вывод Маркса о том, что «Испанская Америка обязана своей независимостью Англии — общее место в колониалистской историографии XIX века»⁴¹. Со своей стороны Хосе Пабло Файнманн в книге «Философия и нация» (1982, 1996) утверждает, что Маркс — «мыслитель британской империи», невольный апологет колониального господства⁴². Аргентинский правый историк Хуан Хосе Себрели в книге «Осада современности» (1992) даже назвал Маркса «вульгарным энтузиастом имперской экспансии Англии»⁴³. Другой историк Тони Негри в своей работе «Империя» (2000) умудряется усмотреть в статьях Маркса о британском владычестве в Индии 1853 г. поддержку им действий британского колониализма⁴⁴ на том основании, что Маркс отмечает в своих ранних статьях ускорение капиталистического развития Индии.

Одним из заметных современных антимарксистов в Латинской Америке является мексиканский профессор Артуро Чавола, директор Института эстетики в Гвадалахаре, автор книги «Образ Америки в марксизме» (2005). Как и остальные критики Маркса, Чавола, ссылаясь на его ранние работы об Индии, Китае и Мексике, настаивает на избитом тезисе о Марксе-европоцентристе, приветствовавшем колониальное господство, ничего не понимавшем в характере национально-освободительных движений угнетенных народов, а посему марксизм неприемлем для Латинской Америки⁴⁵.

Только представитель антимарксистского агитпропа может увидеть, например, в такой цитате из статьи К.Маркса «Британское владычество в Индии» (1853 г.) апологетику колонизаторской политики Англии: «... не подлежит никакому сомнению, что бедствия, причиненные Индостану британцами... неизмеримо более глубоки, чем все бедствия, испытанные Индостаном раньше»⁴⁶. У критиков Маркса совершенно отсутствует понимание диалектики исторического процесса. В этой же статье Маркс, не отрицая жестокости колониального угнетения, показывает вектор их будущего развития. «Англии, — пишет он, — предстоит выполнить в Индии двоякую миссию: разрушительную и созидательную. С одной стороны, уничтожить старое азиатское общество, а с другой стороны, заложить материальную основу западного общества в Азии»⁴⁷.

Судьбу незападных обществ, включаемых в мировую капиталистическую систему, Маркс вполне адекватно связывал с двумя вариантами их будущего развития. «Население Индии не сможет пожать плодов созревания тех элементов нового общества, которые посеяла среди него британская буржуазия, пока в самой Великобритании ныне правящие классы не будут вытеснены промышленным пролетариатом, или пока сами индийцы не станут достаточно сильными, чтобы навсегда сбросить с себя английское иго»⁴⁸. Только пренебрегая очевидным смыслом данного отрывка из статьи Маркса, можно усмотреть воспеание колониализма, «подвигов» насилия европейцев в отсталых странах. Но, как видно, при остром желании исказить основные мысли Маркса — все возможно. Особенность такого рода «мыслителей» заключается в том, что они, во-первых, искажают подлинные тексты раннего Маркса, в частности, об Индии и Китае, где нет и следа апологетики колониализма. Во-вторых, они избегают упоминания о более поздних работах Маркса, в которых четко выделяется мысль о возможности самостоятельных освободительных движений (Мексика, Индия, Ирландия) угнетенных колониализмом народов, тем более, что пролетарии западных стран-метрополий все больше становились «рабочей аристократией», поддерживая колониальную политику своих буржуазных правительств.

Диаметрально противоположных взглядов придерживаются многие современные исследователи марксизма в Латинской Америке. Таковы работы М.Лёви «Маркс и Латинская Америка» (1980), А.Парисси «Латиноамериканское прочтение «Капитала» Маркса» (1988), Э.Дюсселя «Поздний Маркс и освобождение Латинской Америки» (1990), А.Санчеса Васкеса «От Маркса к марксизму в Латинской Америке» (1999), Н.Когана «Маркс в своем (третьем) мире» (2005) и его же «Капитал»: история и метод» (2007). Нестор Коган выделяет общую черту этих последних исследований, в частности, подчеркивание в них значимости более поздних работ Маркса, во многом изменившего свои прежние взгляды на проблему колониализма, периферийного мира и народов, страдающих от гнета капитализма. В этих работах Маркс приходит к следующим выводам: во-первых, невозможен «прогресс» для народов, подчиненных иностранному капиталу. Индия не только не достигла прогресса даже при внедрении некоторых элементов капитализма, будучи колонией Англии, как несколько прямолинейно ранее утверждал Маркс. Наоборот, в итоге в Индии наблюдался глубокий упадок. И, во-вторых, история не развивается равномерными этапами в направлении капитализма, стимулируемого Европой, а изменяется резкими скачками под решающим воздействием своих собственных причин. На первое место Маркс теперь выдвигал вторую альтернативу — освобождение колоний и зависимых стран своими силами. Отсюда и высказанная им в письме к русской народнице Вере Засулич идея о возможности некапиталистического развития России с использованием коллективных элементов общины и т.п.⁴⁹

Замалчивание эволюции взглядов Маркса по мере углубления им анализа международной системы капитализма свидетельствует не только о субъективном подходе немарксистских авторов, но и о сознательной фальсификации результатов научного поиска позднего Маркса. Так, у них, например, полностью отсутствуют ссылки на решительное осуждение Марксом нападения Англии, Франции и Испании на Мексику в 1861—1867 гг.

В серии статей — «Интервенция в Мексику» (7-8/XI/1861), «Парламентские дебаты по поводу ответного адреса» (7/II/1862), «Мексиканская неразбериха» (15/II/1862), «Международные аферы Миреса» (24/IV/1862) — Маркс подробно осветил военное вмешательство трех европейских монархий в дела суверенной республики, которая под руководством законного правительства президента-индейца Бенито Хуареса искала пути к политической стабильности и экономическому прогрессу. «Интервенция в Мексику, — писал Маркс, — является одним из самых чудовищных предприятий, когда-либо занесенных в летопись международной истории»⁵⁰. Разоблачая всякого рода фальшивые «разъяснения» инициатора тройственной агрессии — Англии, Маркс указывает на ее грабительский колониалистский характер. Это фактически восстановление Священного Союза, имеющего в данном конкретном случае цель свержения демократического правительства Хуареса и создания плацдарма для возможного вмешательства в гражданскую войну в США.

В статье «Мексиканская неразбериха», написанной Марксом в связи с публикацией английским правительством «Синей книги» об интервенции в Мексику, автор указывает, что в этом документе содержатся «самые потрясающие разоблачения современной английской дипломатии со всем ее лицемерным ханжеством, с ее жестокостью по отношению к слабым, пресмыкательством перед сильными и полным неуважением к международному праву»⁵¹. И далее Маркс пишет: «Подлые средства, используемые для организации мексиканской интервенции, могут быть превзойдены только тем старческим слабоумием, с каким британское правительство разыгрывает удивление и старается увильнуть от осуществления

гнутого плана, им же самим разработанного»⁵². Главная задача, поставленная англичанами — сменить правительство Хуареса, которое якобы уже не существует, и изменить форму правления на монархическую, которую, дескать, приемлет большинство народа. И этим должны заняться французы и испанцы. И министр иностранных дел лицемерно добавляет в «Синей книге»: «Учреждение ими нового правительства обрадует британское правительство, но, конечно, военные силы завоевателей не должны влиять на ход всеобщего голосования, с помощью которого они рекомендуют мексиканцам установить новое правительство». Маркс саркастически замечает: «Разумеется, самим командующим вторгшихся вооруженных сил предоставляется судить о том, какая новая форма правления приемлема или неприемлема для Мексики»⁵³.

«В результате, — пишет Маркс, — мексиканскому народу навязан эрцгерцог Максимилиан — любимчик Англии и Франции»⁵⁴. Позицию Франции Маркс объясняет ее стремлением установить свой протекторат и удовлетворить денежные претензии банкирского дома «Жеккер и К», раздутые с 4,2 млн долл. до 52 млн долл.⁵⁵. Отмечает Маркс и обычный авантюризм бонапартистской Франции: «Вполне вероятно, что мексиканская экспедиция является одним из многочисленных предприятий, которые Луи Бонапарт вынужден постоянно держать наготове для развлечения французской публики. Бесспорно, что Испании, политики которой никогда не отличались особой выдержкой, совсем вскружили голову ее недавние дешевые успехи в Марокко и Сан-Доминго и она мечтает о восстановлении своего господства в Мексике»⁵⁶. Это статьи истинного антиимпериалиста, они проникнуты чувством солидарности с борьбой Мексики, безусловной поддержкой ее демократического правительства Б.Хуареса.

Маркс переоценил свои взгляды и на агрессию США против их южного соседа в 1846—1848 гг., что отразилось в его статье «Гражданская война в Северной Америке», написанной 20 октября 1861 г. В ней отмечалось, что «как во внутренней, так и во внешней политике Соединенных Штатов интересы рабовладельцев служили путеводной звездой. Фактически Бьюкенен⁵⁷ добился поста президента благодаря изданию Остендского манифеста, в котором приобретение Кубы, будь то путем покупки или силой оружия, провозглашалось великой задачей национальной политики. Во время его правления Северная Америка была уже поделена американскими земельными спекулянтами, которые терпеливо ждали сигнала наброситься на Чиуауа, Коауилу, Сонору (штаты на севере Мексики. — *И.Я.*). Непрерывные пиратские экспедиции флибустьеров против государств Центральной Америки подобным же образом направлялись Белым домом в Вашингтоне»⁵⁸.

Эти последние работы Маркса, касающиеся Латинской Америки, свидетельствуют о глубине его проникновения в анализ процессов развития стран региона. И не только его. Известно письмо Маркса в редакцию «Отечественных записок» (1877 г.), где он настаивал на том, что изучать развитие капитализма в России необходимо конкретно, не полагаясь лишь на выводы, сделанные в «Капитале», о развитии капитализма в Европе⁵⁹. Столь же плодотворные мысли высказал Маркс в уже упомянутом письме к В.Засулич (1881 г.) о возможности прогрессивной роли русской общины в переходе к новому более высокому уровню развития, минуя капитализм⁶⁰. То есть Маркса нельзя огульно называть европоцентристом.

Анализируя ход и итоги восстания фениев в Ирландии в 1867 г., Маркс разработал основы теории национально-освободительной борьбы колониальных и зависимых народов, вполне применимые и к Латинской Америке. Подытоживая выводы своего научного поиска, Маркс в письме Энгельсу от 30 ноября 1867 г. четко изложил свои соображения о необходимых ша-

гах на пути к независимости: «Ирландцам необходимо следующее: 1. Самоуправление и независимость от Англии; 2. Аграрная революция; 3. Покровительственная пошлина против Англии. С 1783 года по 1801 год все отрасли промышленности процветали. Уния, с установлением которой были отменены покровительственные пошлины, введенные в свое время ирландским парламентом, разрушили всю промышленную жизнь в Ирландии... Уния 1801 года оказала на ирландскую промышленность совершенно такое же действие, как меры, ведущие к уничтожению ирландской шерстяной промышленности и т.д., предпринимавшиеся английским парламентом при Анне, Георгии II. Как только ирландцы станут независимыми, нужда заставит их стать протекционистами подобно Канаде, Австралии и т.д.»⁶¹. Программа борьбы, не потерявшая актуальность и в наше время.

Строго историчен Маркс и при оценке раннеклассовых государств инков в Перу и ацтеков в Мексике. В «Экономических рукописях» 1857—1858 гг. он подчеркивает типологическое сходство общественного строя в древней Америке с азиатскими деспотиями, где власть «витает», по его словам, над основной производственной ячейкой — общиной, и присвоение прибавочного продукта является функцией «высшего единого начала» в лице «деспота как отца всех этих общин». «Часть прибавочного труда общины, — прибавляет Маркс, — принадлежит более высокой общине, существующей, в конечном счете, в виде одного лица, и этот прибавочный труд дает о себе знать как в виде дани и т.п., так и в совместной работе для прославления единого начала отчасти действительного деспота, отчасти воображаемого племенного существа, бога»⁶². Маркс отмечает, что своеобразие большинства азиатских форм собственности заключается как раз в том, что «единое начало... выступает как высший собственник или единственный собственник...» в результате чего «каждый отдельный человек... на деле лишен собственности»⁶³. Маркс прямо указывает, что особые условия ведения хозяйства, в частности, необходимость проведения крупных ирригационных каналов, дорог и других общественных работ способствовали укреплению «деспотического правительства... и его сатрапов» и могла «выработаться в целую систему, как в Мексике, особенно в Перу...»⁶⁴.

Как известно, Маркс резко критиковал легковесную болтовню младогегельянцев о коммунизме и поиски в прошлом элементов грубо уравнилельных и просто утопических форм коммунизма. А этим грешили не только авторы социальных утопий и молодые идеологи пролетариата, но и серьезные историки в XIX в. и отчасти начала XX в. О коммунизме в Инкском государстве писали известный американский историк У.Прескотт, англичанин К.Маркхэм, немецкий этнограф Г.Кунов, француз А.Деберль и многие другие⁶⁵. Даже один из первых марксистов Латинской Америки перуанец Хосе Карлос Мариатеги в 1828 г. говорил об «инкском коммунизме» в древнем Перу, хотя тут же уточнял, что «действительно, инкский строй был теократическим и деспотичным»⁶⁶.

Замечания и оценки Маркса о сущности древних обществ Америки проложили путь для более детальных и объективных исследований социальных отношений в доколумбовых государственных образованиях, ничего общего не имевших с коммунизмом⁶⁷. Отметим также тот факт, что после 1939 г. в мировой латиноамериканистике никто не квалифицировал общественный строй инков как социалистический или коммунистический. Так известный перуанский консервативный историк Хосе де ла Рива Агуэро (1855—1944) в одной из своих последних работ высмеял «представления об инкском обществе как об коммунистическом рае, как об этом постоянно пишут в иностранных журналах недо-

учки историки или просто фантазеры... сравнивающие колхозы сегодняшней Советской России с Таунтинсуйю»⁶⁸.

«Европоцентрист» Маркс, тем не менее, четко указывает в своих главных работах на важную роль Америки в становлении и развитии капитализма, в создании мирового рынка. «Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги по завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова утренняя заря капиталистической эры производства. Эти идиллические процессы суть главные моменты первоначального накопления... Различные моменты первоначального накопления распределяются исторически более или менее последовательно между различными странами, а именно между Испанией, Португалией, Голландией, Францией и Англией»⁶⁹.

В «Манифесте Коммунистической партии» (1848) Маркс и Энгельс особо подчеркивают, что «крупная промышленность *создала всемирный рынок, подготовленный открытием Америки*»⁷⁰ (выделено мною. — И.Я.). Капитализм вовлекает в свою орбиту и более низшие формы рабского и крепостнического труда, превращая продукты этого производства в товары для продажи на мировом рынке. «Так к варварским ужасам рабства, крепостничества и т.д. присоединяется цивилизованный ужас чрезмерного труда»⁷¹. В «Капитале» Маркс указывает прямо на страны Южной Америки как на объект грабежа молодого капитализма Европы: «обращение с туземцами было, конечно, всего ужаснее на плантациях, предназначенных, как например, в Вест-Индии, исключительно для экспортной торговли, а также в обречении на разграбление богатых и густонаселенных стран, как Мексика и Ост-Индия»⁷².

Уместно обратить внимание и на замечание Маркса о целенаправленной политике европейских стран, ведущей к уничтожению зачатков промышленности в колониях и зависимых странах: «Европейские страны... насильственно искореняли всякую промышленность в зависимых от них соседних странах, как например, была истреблена англичанами шерстяная мануфактура в Ирландии»⁷³. А разве не тоже самое делали Испания в колониях Америки и Англия в отношении независимых латиноамериканских стран? Мало того, Маркс отметил, что «прямое рабство, рабство чернокожих в Суринаме, Бразилии, в южных областях Северной Америки... является такой же основой современной промышленности, как машины, кредит и т.д. Без рабства нет хлопка, без хлопка нет современной промышленности. Рабство придало ценность колониям, колонии создали мировую торговлю, а мировая торговля — необходимое условие крупной машинной промышленности... Таким образом, рабство — это экономическая категория огромного значения... Современные народы сумели лишь замаскировать рабство у самих себя и ввести его открыто в Новом Свете»⁷⁴.

Произведения Маркса в целом — это кладезь знаний об истории мира и проницательных теоретических выводов, основанных на разработанном им методе материалистического понимания истории. Естественно, что его взгляды на те или иные исторические события, в том числе касающиеся Латинской Америки, претерпевали определенные изменения. Важно, однако, брать марксово наследие в целом, в полном объеме, в развитии, а не вырывать разрозненные фрагменты. Именно этот подход дает объективное представление о значимости работ Маркса для объяснения исторического своеобразия латиноамериканского региона. Ведь это факт, что история XIX в. немислима без оценки интеллектуального вклада Маркса. «Капитал» как энциклопедия становления и развития капитализма не может быть обойден молчанием ни одним серьезным исследователем истории периферийного капитализма в Латинской Америке. «Немецкая

идеология», «Манифест Коммунистической партии», «Революционная Испания», «18 брюмера Луи Бонапарта» и многие другие работы основоположника марксизма глубоко и с пользой изучаются обществоведами Латинской Америки и в наше время.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. полный текст статьи: К.Маркс, Ф.Энгельс. Сочинения. Издание второе. М., 1959, т. 14, с. 226—240.

² Отрывки из письма К.Маркса Энгельсу от 14.02.1858. К.Маркс, Ф.Энгельс. М., 1962, т. 29, с. 220—229. Ф.Сулак (Souloque) (1782—1867) — президент Гаити (1847—1849). Провозгласил себя императором под именем Фостен I (1849—1858). Кровавый и жестокий деспот. Свергнутый армией бежал на Ямайку. В Европе либералы зло высмеивали этого новоявленного безграмотного «императора» в Новом Свете, рядившегося в одеяния Наполеона I. И когда племянник французского императора Карл Людовик Бонапарт в 1852 г. объявил себя наследником великого дяди Наполеоном III, то демократическая оппозиция немедленно дала ему прозвище «Белый Сулак». См., например, памфлет В.Гюго «Наполеон маленький». — Собрание сочинений в 14 т. М., 2002, т. 5, с. 360.

³ А.И.Глинкин. Дипломатия Симона Боливара. М., 1991. с. 325—326.

⁴ S.В.Оlivar. Obras completas. La Habana, 1947, Vol. I, p. 253; Vol. II, p. 773, 781. Цит. по: М.С.Альперович, В.И.Ермолаев, И.Р.Лаврецкий, С.И.Семенов. Об освободительной борьбе испанских колоний в Америке (1810—1826). — Вопросы истории, 1956, № 11, с. 62—63. В данной статье подробно рассматриваются моральные дефекты клеветников Боливара и указано на ряд фактов фальсификации в их мемуарах.

⁵ Паэс Хосе Антонио (1790—1873) — бывший пеон, вождь льянерос, добившийся их перехода на сторону патриотов и сыгравший выдающуюся роль в Войне за независимость Венесуэлы на заключительном этапе. Позднее президент Венесуэлы.

⁶ А.И.Глинкин. Указ. соч., с. 108.

⁷ К.Маркс, Ф.Энгельс, т. 14, с. 226, 232, 238.

⁸ Там же, с. 234.

⁹ Там же, с. 225.

¹⁰ Там же, с. 227.

¹¹ M.P.ісóп Sалas Miranda. La Habana, 1972, p. 200.

¹² А.Н.Глинкин. Указ. соч., с. 69; И.Р.Григулевич. Франсиско де Миранда и борьба за независимость Испанской Америки. М., 1976, с. 232—234.

¹³ К.Маркс, Ф.Энгельс, т. 14, с. 229. Бывший батрак в креольском скотоводческом поместье. Бовес — сторонник испанцев, сплотивший недовольных своекорыстной политикой креолов по отношению к беднейшим слоям населения льянерос-скотоводов, негров-рабов и свободных крестьян. Решительная и беспощадная тактика ведения войны Бовесом привела к поражению Второй республики Венесуэлы.

¹⁴ К.Маркс, Ф.Энгельс, т. 14, с. 234—235.

¹⁵ M.Acosta Saіgnеs. Acción y utopía del hombre de las dificultades. La Habana, 1977, p. 280.

¹⁶ К.Маркс, Ф.Энгельс, т. 14, с. 235.

¹⁷ Там же, с. 237.

¹⁸ M.Acosta Saіgnеs. Op. cit., p. 234.

¹⁹ К.Маркс, Ф.Энгельс, т. 14, с. 236—237.

²⁰ К.Маркс, Ф.Энгельс, т. 10, с. 474.

²¹ См.: К.Маркс, Ф.Энгельс, т. 14, с. 228.

²² К.Маркс, Ф.Энгельс, т. 14, с. 229.

²³ А.Н.Глинкин. Указ. соч., с. 311.

²⁴ К.Маркс, Ф.Энгельс, т. 14, с. 238.

²⁵ О Панамском конгрессе наиболее полно рассказывается в книге: А.Н.Глинкин. Указ. соч., с. 240—262. Кстати говоря, Боливар трезво оценивал обстановку после освобождения Южной Америки, стремясь использовать противоречия Англии, США, Испании и Франции для стабильности в странах континента. Советские историки отмечают «несостоятельность утверждения» о том, будто Боливар придерживался английской ориентации. В письме к Б. Монтегаудо от 5 августа 1823 г. он писал по поводу проекта вступления Колумбии в Лигу во главе с Англией: «После того, как Англия станет во главе этой Лиги, мы превратимся в ее смиренных прислужников, ибо, заключив пакт с сильным, слабый вечно несет одни обязанности». В письме Сантандеру от 20 мая 1825 г. Боливар предупреждал: «Испанцы для нас уже не страшны, тогда как англичане очень опасны». — М.С.Альперович, В.И.Ермолаев и др. Указ. соч., с. 67.

²⁶ См.: J.A.гісó. Marx y América Latina. México, 1982, p. 127, 154.

²⁷ Л.С.еа. Философия американской истории». М., 1984, с. 216—217.

²⁸ Там же, с. 217.

- ²⁹ См.: J.A r i s ó. Op. cit.; E.M o n t i e l. Gegel, Bolivar y Marx. Las dificultades para entender Macondo. La Habana, 1997; O h a e l o. Marx, el etnocentrista. — <http://tapera.info>, 2008.
- ³⁰ Новая история колониальных и зависимых стран, т. 1. М., 1940, с. 367, 374—375.
- ³¹ M.A c o s t a S a i g n e s. Op. cit., p. 235.
- ³² Цит. по: Ibid., p. 178.
- ³³ Ibid., p. 179.
- ³⁴ Ibid., p. 180.
- ³⁵ М.С.А л ь п е р о в и ч, В.И.Е р м о л а е в, И.Р.Л а в р е ц к и й, С.И.С е м е н о в. Указ. соч., с. 63; См. также: М.С.А л ь п е р о в и ч. Советская историография стран Латинской Америки. М., 1968, с. 32.
- ³⁶ К.М а р к с, Ф.Э н г е л ь с, т. 14, с. XVI.
- ³⁷ К.М а р к с, Ф.Э н г е л ь с, т. 10, с. 469, 472.
- ³⁸ К.М а р к с, Ф.Э н г е л ь с, т. 28, с. 346—347.
- ³⁹ К.М а р к с, Ф.Э н г е л ь с, т. 4, с. 467—468.
- ⁴⁰ J.A r i s ó. Op. cit., p. 130—143.
- ⁴¹ См.: <http://tapera.info>
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ <http://tapera.info/>
- ⁴⁶ К.М а р к с, Ф.Э н г е л ь с, т. 9, с. 131.
- ⁴⁷ Там же, с. 225.
- ⁴⁸ Там же, с. 228—229.
- ⁴⁹ К.М а р к с, Ф.Э н г е л ь с, т. 19, с. 400—421.
- ⁵⁰ К.М а р к с, Ф.Э н г е л ь с, т. 14, с. 376.
- ⁵¹ К.М а р к с, Ф.Э н г е л ь с, т. 15, с. 484.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же, с. 487—488.
- ⁵⁴ Там же, с. 488.
- ⁵⁵ Там же, с. 509.
- ⁵⁶ Там же, с. 375.
- ⁵⁷ Бьюкенен — посланник США в Лондоне. Подписал вместе с послами США во Франции и Испании в 1854 г. Остендский манифест. В нем предлагалось правительству США купить или захватить Кубу. Был избран президентом США в 1856 г. от демократической партии.
- ⁵⁸ К.М а р к с, Ф.Э н г е л ь с, т. 19, с. 371.
- ⁵⁹ Там же, с. 120.
- ⁶⁰ Там же, с. 119—120, 400—421. См. также предисловие ко второму русскому изданию 1882 года «Манифеста Коммунистической партии». — Там же, с. 305.
- ⁶¹ К.М а р к с, Ф.Э н г е л ь с, т. 31, с. 338.
- ⁶² К.М а р к с, Ф.Э н г е л ь с, т. 46. М., 1968, часть I, с. 464. «Экономические рукописи» были впервые опубликованы в Москве на русском и немецком языках в 1939 г.
- ⁶³ Там же, с.463.
- ⁶⁴ Там же, с.464.
- ⁶⁵ W.P r e s c o t t. History of Conquest of Peru, Vols. I–II (1847); С.М а r k h a m. Cusco and Lima (1858); Н.С u n o w. Die soziale Verfassung des Inkareiches (1895); А.Д е б е р л ь. История Южной Америки. С-Пб, 1899 и мн. др.
- ⁶⁶ Х.К.М а р и а т е г и. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1963, с. 93,119.
- ⁶⁷ См.: G.V a l s a r g e l. Perú: mural de un pueblo. Apuntes marxistas sobre el Perú prehispanico. Lima, 1965; L.M a r t i n. The Kingdom of the Sun. New York, 1974; Ю.А.З у б р и ц к и й. Инки — кечуа. Основные этапы истории народа. М., 1975; В.А.К у з ь м и щ е в. У истоков общественной мысли Перу. Гарсиласо и его история инков. М., 1979; История Перу с древнейших времен до конца XX века. М., 2000.
- ⁶⁸ J. d e l a R i v a - A g ü e r o. Afirmación del Perú, t I, 1960, p. 126, 132. Правда, на исходе «перестройки» нашелся отечественный историк, снова попытавшийся сравнивать несравнимые регионы, страны и эпохи с применением псевдонаучных, но широко используемых ныне агитпроповских терминов типа «тоталитаризм», «империя», «неконкурентоспособность» инков и Советского Союза. См.: Ю.Е.Березкин. Инки. Исторический опыт империи. М., 1991, глава VI.
- ⁶⁹ К.М а р к с. Капитал. К критике политической экономии, т. 1, книга 1. Процесс производства капитала. М., 1978, с. 760—761.
- ⁷⁰ К.М а р к с, Ф.Э н г е л ь с. Избранные произведения в трех томах, т. 1. М., 1979, с. 108.
- ⁷¹ Там же, с. 247.
- ⁷² Там же, с. 113.
- ⁷³ К. М а р к с. Капитал, т. 1, с. 767.
- ⁷⁴ К.М а р к с, Ф.Э н г е л ь с, т. 27, с. 408.